DK511
.N7
O 974
1903

a 00002 01285 0

Н. Н. ОВСЯННИКОВЪ,

Членъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи, дѣйствительный членъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета, членъ-сотрудникъ И. Р. Географическаго Общества.

О
Новгородско-Тверскомъ рубежѣ
въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей.

Изданіе состоящей подъ **Августѣйшимъ Покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича** Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

ТВЕРЬ.
Типо-литографія Н. М. Родіонова.
1903 г.

DK511
.N7
O974
1903

Н. Н. ОВСЯННИКОВЪ,

Членъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи, дѣйствительный членъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета, членъ-сотрудникъ И. Р. Географическаго Общества.

O Novogorodsko-Tverskom rubezhe v svyazi s napravleniem Novogorodskikh putei

О

Новгородско-Тверскомъ рубежѣ

въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова.
1903 г.

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

О Новгородско-Тверскомъ рубежѣ въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей.

I.

Надъ этимъ вопросомъ русской исторіи работали уже многіе. Не разъ занималъ онъ вниманіе и членовъ нашей Тверской Ученой Архивной Комиссіи. Вблизи Новгородско-Тверского рубежа, въ отдаленную старину, шелъ путь „изъ Варягъ въ Греки". Извѣстно, какое огромное культурное значеніе имѣлъ онъ не только въ Новгородской, но и въ Русской Исторіи. Этотъ путь по Днѣпру доходилъ до Смоленска, а отсюда по рѣкамъ и волокамъ можно было добраться по нему до самого Балтійскаго моря. И пользуясь имъ, Новгородцы торговали не только съ Кіевскими, Волынскими, Черниговскими, но также и съ Тверскими землями. Съ одной стороны, этотъ путь отъ Смоленска по рѣкамъ Касплѣ (впадающей въ Западную Двину) и Усвяти шелъ къ р. Ловати, къ Ильменю, къ Новгороду, и р. Волховомъ доходилъ до озера Нево (Ладожское) и Финскаго залива; съ другой стороны, отъ Смоленска шла къ Тверскимъ землямъ другая, особая вѣтвь его, слѣды которой сохранила также исторія. Эта вѣтвь направляется по рѣкамъ и волокамъ къ тѣмъ излюбленнымъ мѣстамъ Русской исторіею, гдѣ начинаютъ свое теченіе три рѣки Днѣпръ, Западная Двина и Волга, гдѣ были волоки на Мстѣ, гдѣ лежали не только Торжокъ и Тверь, но и другія мѣста, принадлежавшія поперемѣнно въ XII и слѣдующихъ вѣкахъ то Суздальскому, то Тверскому, то Московскому княжествамъ. По этой вѣтви и послѣ, въ XVI вѣкѣ, отъ Смоленска къ Старицѣ ѣхалъ извѣстный путешественникъ А. Поссевинъ, ѣздили и ранѣе многіе другіе,

и не съ одними торговыми дѣлами. Правда, въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ, торговля на пути изъ „Варягъ въ Греки“ не занимаетъ болѣе въ исторіи перваго мѣста, какъ скоро Кіевъ былъ разрушенъ Татарами, но сѣверная часть этого пути, начинаясь отъ Смоленска, остается, по прежнему, проторенной дорогой для торговли. Изъ соляныхъ варницъ Кириллова монастыря доставлялась въ Тверь и Торжокъ соль, слѣдовательно и названная вѣтвь продолжалась далѣе на сѣверъ до волоковъ около Мсты. Вообще волоки между Новгородскими рѣками и Волгою съ незапамятныхъ временъ до самого Петра В., основателя Вышневолоцкой системы, и даже до ближайшихъ къ намъ временъ, обращали на себя особое вниманіе не однихъ торговыхъ людей. Хотя Тверскіе князья не владѣли этими волоками, бывшими въ рукахъ Новгородцевъ,хотя Тверскому княжеству выпадала весьма незначительная доля участія въ торговлѣ по рѣкамъ близь волоковъ Двины и Волги, а посады, или „ряды“ на нихъ были не Тверскіе, а Новгородскіе, тѣмъ не менѣе Тверь была сильно заинтересована и всѣми тѣми мѣстами, гдѣ были волоки. И это естественно, если скажемъ, что со Мстинскимъ путемъ, въ Вышнемъ-Волочкѣ, соприкасалась главная сухопутная дорога изъ Москвы на Новгородъ. Точно также съ верховьевъ Волги къ озеру Селигеру и далѣе къ городищу Демянъ, къ Старой Руссѣ, шла другая дорога на Новгородъ— тотъ самый Селигерскій путь, по которому шелъ Батый къ Новгороду до Игнача-креста. Самое начало Волги открыто было, кажется, не во время царя Алексѣя Михайловича, какъ думали многіе, а гораздо раньше,—Новгородцами. На всѣхъ этихъ торговыхъ путяхъ жило сравнительно съ окрестными мѣстами болѣе густое населеніе, состоявшее преимущественно изъ торговыхъ и ремесленныхъ людей. Въ мѣстахъ соединенія и скрещиванія путей располагались такія населенныя мѣста, которыя, если не кормились отъ рыбной ловли, или отъ пашни, то жили на счетъ торговаго движенія, передававшаго товары съ одного конца русской земли до другаго. Изученіе этихъ торговыхъ путей, потому, и важно для знакомства съ торговою жизнью не одного Новгорода. Если городовъ на р. Мстѣ и на другихъ мѣстахъ

вблизи волоковъ было мало,—Торжокъ былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ и былъ извѣстенъ своей ярмаркой,— за то здѣсь было много поселковъ, „рядковъ“ и „посадовъ“, а такіе рядки были „предшественникомъ, починкомъ города“ и при осложненіи своего состава могли превратиться въ городъ [1]).

Торговый путь изъ Варяжскаго моря по Западной Двинѣ до ея верховьевъ, находящихся вблизи верховьевъ Волги, касается прямо Тверского княжества: своимъ волокомъ онъ давалъ выходъ на Волгу. Хотя мы знаемъ о немъ очень мало, и Новгородская торговля развилась на немъ въ болѣе позднее время, зато въ XV в. она встрѣтила здѣсь себѣ конкурентовъ со стороны московскихъ купцовъ, состоявшихъ подъ сильнымъ покровительствомъ ихъ князя, и получила большую важность въ исторіи потому, что устраненіе со стороны Новгорода этихъ опасныхъ соперниковъ, московскихъ купцовъ, не только во внутренней, но и въ заграничной торговлѣ, повело потомъ къ окончательному торжеству Москвы надъ Новгородомъ [2]). На этомъ-то пути, между Западной Двиной и Волгой, и найдены были Стерженскій и Лопастицкій кресты, хранящіеся въ Тверскомъ музеѣ, относящіеся къ XII в.—Что означаютъ они? Для чего они могли быть поставлены здѣсь? Какъ и Игначъ-крестъ, не служили ли они вѣхами?—На всѣ подобные вопросы можно отвѣчать пока однѣми догадками и предположеніями. Въ связи съ сказаннымъ, поставимъ здѣсь извѣстіе о дорогѣ, по которой князь Глѣбъ, сынъ Владимира Св., ѣхалъ съ Волги въ Кіевъ. Извѣстно, что князь Глѣбъ, пріѣхавъ къ р. Тьмѣ, правому притоку Волги, повредилъ себѣ здѣсь ногу, упавши съ коня, и продолжалъ путь далѣе въ ладьѣ къ Смоленску, подъ которымъ встрѣченъ былъ своими убійцами и убитъ. Извѣстно далѣе, что онъ проѣхалъ по

---

[1]) Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI--XVII в.в., С. Ѳ. Платонова. С.-Пб. 1899 г. с. 62 и др. Разсказы изъ Русской Исторіи Ив. Бѣляева, книга вторая, Исторія Новгорода. М. 1864 г. стр. 29.

[2]) Критическій разборъ Лаппо-Данилевскимъ исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода Никитскаго, въ „Ж. Мин. Н. Просв.“, 1895 XII, стр. 389.

р. Вазузѣ, а оттуда волокомъ пробрался до Днѣпра. Былъ ли его путь однимъ варіантомъ предыдущаго, былъ ли намѣченъ имъ случайно, чего не могло быть, потому что Глѣбъ ѣхалъ спѣшно и, надо полагать, выбиралъ вѣрную и извѣстную дорогу; невѣрнѣе ли, что и по этому пути въ то время ѣзжали многіе?—Во всякомъ случаѣ несомнѣнно,—тѣ мѣста, которыя служатъ началомъ рѣкъ Волги, Западной Двины и Днѣпра, находящіяся на рубежѣ Тверской области, издавна были извѣстны. Уже первоначальная лѣтопись знакома съ ними. Въ ней упоминается о знаменитомъ Оковскомъ лѣсѣ, въ ней говорится далѣе, что изъ Оковскаго лѣса на востокъ течетъ Волга, а по ней можно плыть изъ Руси къ Болгарамъ и къ Хвалисамъ. Въ ней говорится, далѣе, что по этимъ мѣстамъ прошелъ съ своею дружиною и князь Владимиръ Св. въ 985 г., предпринявши походъ на Болгаръ, жившихъ на Волгѣ. Доказательствомъ торговыхъ сношеній по этимъ мѣстамъ служитъ также найденный недалеко отъ рѣки Жукопы, впадающей въ Волгу (въ Осташковскомъ уѣздѣ), кладъ XIV в., заключающій въ себѣ около 700 монетъ Богемскаго короля Венцеслава III, убитаго въ 1306 г., и нѣсколько монетъ Карла IV, вступившаго на Богемскій престолъ въ 1345 г. [1]) Стерженскій и Лопастицкій кресты находились также на этомъ самомъ пути между Западной Двиною и Волгою; тутъ же послѣ пролегала и Литовская дорога — другое названіе тогоже пути. О ней говоритъ А. К. Жизневскій, по поводу упомянутыхъ выше крестовъ [2]). По его замѣчанію, кресты могутъ быть, по значенію своему, отнесены къ такимъ же другимъ, найденнымъ на Западной Двинѣ, поставленнымъ в. кн. Витовтомъ, на бродахъ на этой рѣкѣ; т. е. кресты были вѣхами по дорогѣ, по нашему пониманію.

Главная большая дорога „сквозѣ Тферь и Тверскіи волости“, о которой упоминается и въ Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ (1. № 28), шла изъ Москвы въ Новгородъ. Здѣсь сказано о ней, что Тверской князь Михаилъ Александровичъ обязался передъ Димитріемъ Донскимъ „дать купцамъ

[1]) Описаніе Тверского Музея, А. К. Жизневскаго, 1888 стр. 37.
[2]) Ibid. стр. 40.

Новгорода Великаго и Торжку съ пригородей путь чистый сквозѣ Тферь и Тверскіи волости". По ней изъ Твери въ Москву ѣздили на Дмитровъ,—а въ лѣтнюю пору товары провозились водою по рѣкамъ Яхромѣ и Сестрѣ,—или черезъ Вертязинъ городокъ, т. е. Городень, который лежитъ на устьѣ р. Шоши, и черезъ Клинъ; а изъ Твери по направленію къ Новгороду эта дорога пролегала на Мѣдное, Торжокъ, Валдай, Яжелбицы и Бронницы. Такимъ образомъ, дорога соприкасалась со Мстинскимъ путемъ, или точнѣе пересѣкала его. Она была одна изъ самыхъ важныхъ торговыхъ дорогъ, самая прямая и старинная. По ней, въ 1609 году, Скопинъ-Шуйскій шелъ до самой Твери, а отсюда не пошелъ на Дмитровъ, а повернулъ къ Колязину монастырю лишь потому, что у Дмитрова стояли главныя силы Самозванца.

Наконецъ, сама Волга, съ X вѣка, и даже ранѣе, служила тоже большою дорогой для торговыхъ сношеній между жителями Веси и Болгарами, а позднѣе для торговли Новгорода и Твери. Татарское нашествіе, ослабившее торговлю Юго-Западной Руси, оказалось выгоднымъ для волжской и восточной торговли. Время отъ Іоанна Калиты до Димитрія Донского было особенно для нея благопріятное. Только позже, послѣ Куликовской битвы, начинаются на Волгѣ и на Окѣ опустошительныя нашествія Татаръ въ Нижегородской и Рязанской областяхъ; ханы, вооружаясь противъ русскихъ, бросались и на Волгѣ на русскихъ купцовъ, которыхъ только могли достать рукою [1]). Русскіе купцы продолжали и тогда плавать по Волгѣ и сбывать здѣсь свои произведенія Татарамъ; они достигали даже нижней Волги, гдѣ имѣли постоянное жительство въ Сараѣ, столицѣ хановъ, а въ половинѣ XIII в. была открыта здѣсь для многочисленныхъ христіанъ даже отдѣльная Сарайская епархія. Только съ XIV столѣтія, когда начались на Волгѣ разбойничьи набѣги на торговые города и суда новгородскихъ ушкуйниковъ, явились новыя условія, которыя должны были вредно вліять на ходъ волжской торговли. Тѣмъ не

[1]) Исторія Тверского княжества Борзаковскаго, стр. 58.

менѣе, торговля на Волгѣ совершенно не прекращалась и тогда, и Тверичи далеко ѣздили по Волгѣ, Тверской же купецъ Аѳанасій Никитинъ даже пробрался до самой Индіи.

Тѣ мѣста, гдѣ найдены были тверскіе кресты, въ старину принадлежали Новгороду, потомъ находились въ смѣстномъ владѣніи Новгорода и Твери, и наконецъ перешли во власть Московскаго княжества. Разныя запутанныя владѣльческія отношенія, возникавшія здѣсь попеременно, впервые выяснены были членомъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи покойнымъ протоіереемъ В. П. Успенскимъ. Ему принадлежитъ изслѣдованіе и южной границы Тверскаго княжества съ Новгородомъ и Литовскимъ княжествомъ. Оно касалось также опредѣленія мѣстъ, гдѣ находились здѣсь пограничные городки: Осѣченъ, Рясна, Вселукъ, Горышинъ, Тудъ, Сижка и др. Трудъ прот. В. П. Успенскаго былъ напечатанъ отдѣльной брошюрой Тверской Ученой Архивной Комиссіей, въ 1892 г., подъ заглавіемъ: „Литовскіе пограничные городки“.

Оказывается, что и Осташковъ и южная часть озера Селигера еще съ XIV ст. принадлежали Тверскому княжеству, а сѣверная часть Осташковскаго уѣзда составляла такъ называемую Новгородскую припись. На картѣ, приложенной къ изслѣдованію пр. В. П. Успенскаго, эта припись показана на трехъ мѣстахъ.—Что же значитъ здѣсь слово „припись“?—Земли, входившія въ припись, принадлежали сперва Новгороду, а потомъ приписаны были къ Твери—буквальный смыслъ. Онѣ могли сначала находиться и въ смѣстномъ владѣніи Новгорода и Твери, а позже, съ перемѣною обстоятельствъ, принадлежали одной Твери. Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ, также членъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи, занимавшійся изученіемъ Ржевскихъ и Зубцовскихъ переписныхъ книгъ, нашелъ и въ нихъ подтвержденіе сказанному: небольшая часть владѣній Новгорода при озерѣ Селигерѣ и по переписнымъ книгамъ была показана за Тверью [1]).

[1]) О Зубцовскихъ и Ржевскихъ переписныхъ книгахъ. Н. Д. Квашнина-Самарина. Тверь. 1891. Стр. 6.

Въ южной части нынѣшней Тверской губерніи, гдѣ были указанныя нами дороги, гдѣ торговля Новгородцевъ пользовалась ими, соприкасались въ концѣ XII вѣка границы Новгородской и Смоленской областей. Самый городъ Ржева (такъ называли встарину Ржевъ) принадлежалъ тогда не Твери, а Смоленскому княжеству; но рядомъ съ нимъ мѣстечко Опока, нынѣшнее селеніе въ двухъ верстахъ отъ Ржева, былъ пограничнымъ пунктомъ Тверского княжества. Съ XIII в. Новгородско-Тверской рубежъ въ этихъ мѣстахъ становится болѣе и болѣе запутаннымъ. Литовцы, занявшіе прежнее Полоцкое княжество, въ XIII ст., достигаютъ въ своихъ завоеваніяхъ до предѣловъ нынѣшняго Ржевскаго уѣзда. Тверской князь Ярославъ Всеволодовичъ далъ имъ отпоръ близь мѣстечка Усвята. Тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи, они успѣли снова утвердиться здѣсь; они поставили даже въ разныхъ пунктахъ свои гарнизоны, для которыхъ основали пограничные городки, или острожки. Это тѣ самые городки: Осѣченъ, Рясна, Урдомъ, Сижка, Горышинъ, Тудъ, Вселукъ, которые были сожжены въ 1335 г. Иваномъ Даниловичемъ Калитою. Слѣдовательно, въ XIV столѣтіи Новгородско-Тверской рубежъ становится въ этихъ мѣстахъ еще болѣе неяснымъ,—къ старымъ прибавились новыя притязанія со стороны Москвы. Въ XIV в. Ольгердъ старается завладѣть самой Ржевой: въ войнахъ его съ Москвою, Ржева три раза переходитъ изъ рукъ въ руки, но окончательный перевѣсъ остался за Москвою. Тогда Ржевскія волости, въ которыхъ были прежде Литовскіе городки: Осѣченъ, Рясна, Урдомъ, Сижка и др., стали владѣніемъ Московскаго княжества. Въ XIV же ст. образуется здѣсь особое Ржевское княжество, родственное по своимъ князьямъ Твери. Оно заняло приблизительно нынѣшній Ржевскій и Осташковскій уѣзды Тверской губерніи, за исключеніемъ Заселигерской части, тянувшей къ Новгороду, и Осуйскаго края, спорнаго между Москвой и Литвой. Ржевское княжество въ XIV в. имѣетъ и своихъ князей, и становится также предметомъ спора между Тверью, Литвой и Москвой.

Очень трудно опредѣлить, какого рода интересы и какія права защищали спорящія стороны за владѣнія здѣсь, на

Новгородско-Тверскомъ рубежѣ. Торговое значеніе путей между Волгой и Днѣпромъ, также между Волгой и Западной Двиною, затемняется въ этихъ спорахъ цѣлями иного характера. Торговые пути становились теперь военными дорогами. Слѣдовало, прежде всего, разрѣшить вопросъ: гдѣ находились городки: Осѣченъ, Рясна, Урдомъ, Сижка и др. Заслуга покойнаго пр. Успенскаго и заключается въ томъ, что онъ первый опредѣлилъ точно, гдѣ находились они, онъ обозначилъ ихъ на картѣ, приложенной къ его изслѣдованію. До него ранѣе никто этого не сдѣлалъ. Напр. С. М. Соловьевъ Осѣченъ и Рясну отыскивалъ въ Могилевской губ.; г. Борзаковскій, авторъ „Исторіи Тверского княжества“, Урдомъ предполагалъ найти въ Тверской области; г. Турчиновичъ, авторъ „Исторіи Бѣлоруссіи“, отыскивалъ Рясну и Осѣченъ тоже въ Могилевской губерніи; также путались и др. И раньше, ни Шлецеръ, ни Карамзинъ, ни Арцыбашевъ,— говоритъ В. П. Успенскій,—никто не зналъ гдѣ находились эти городки.

Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ познакомилъ насъ еще съ новымъ княжествомъ на этихъ мѣстахъ—съ Ѳоминскимъ. Ѳоминское княжество граничило съ сѣвера нынѣшнимъ Зубцовскимъ уѣздомъ, на югѣ—съ княжествомъ Вяземскимъ, на востокѣ—Холмскимъ и на западѣ—Ржевскимъ. Ѳоминское княжество находилось въ родственныхъ отношеніяхъ съ княжествами Смоленскимъ и Ржевскимъ [1]).

Остановимся еще на слѣдующихъ географическихъ опредѣленіяхъ, касающихся южной части Новгородско-Тверского рубежа и направленія здѣсь торговыхъ путей.

Главное звено великаго воднаго пути „изъ Варягъ въ Греки“—Днѣпръ—верховьями своими сближалъ Смоленскъ, древнее владѣніе кривичей, съ Волгою, съ притокомъ ея Вазузою, посредствомъ волока, идущаго отъ с. Волочка на Днѣпрѣ. По этому пути въ отдаленной древности шла въ Тверской край славянская колонизація. И теперь жители

[1]) Изслѣдованіе объ отношеніи княжествъ Ржевскаго и Ѳоминскаго. Н. Д. Квашнина-Самарина. Тверь. 1887. стр. 2,30 и др.—Литовскіе пограничные городки пр. В. П. Успенскаго. Тверь. 1892 г. Стр. 8—13.

западной части Ржевскаго уѣзда, извѣстные подъ именемъ Тудовлянъ, по р. Туду, впадающему въ Волгу съ правой стороны, своимъ говоромъ напоминаютъ еще свое южное происхожденіе. Сношенія Поволжья съ Западной Двиной и съ Полоцкомъ шли по Двинѣ черезъ озеро Жаденье, черезъ озера Пёно и Охватъ, между которыми находятся волоки. По Ловати шелъ путь къ озеру Стержу; на Стержѣ путь раздвоялся: одинъ шелъ по Стержу на югъ въ озера Вселугъ и Пёно, черезъ которыя протекаетъ Волга, другой—на востокъ волокомъ въ Селигеръ, а по Селигеру въ притокъ Волги Селижаровку.

Болѣе удобный водный путь для сношенія Новгорода съ Тверью былъ путь черезъ Мсту и Тверцу [1]).

Исторія Новгородско-Тверскаго рубежа въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей поясняетъ многіе факты въ исторіи Тверскаго княжества. Ограничимся здѣсь однимъ примѣромъ. Первый тверской епископъ Симеонъ былъ изъ полоцкихъ князей. Сомнѣніе въ томъ, высказанное нѣкоторыми, разсѣевается, если мы теперь знаемъ, что между Полоцкомъ и Тверью были всегда сношенія,—была дорога. Симеонъ былъ епископомъ Полоцкимъ гораздо раньше, чѣмъ Тверскимъ, и получилъ образованіе въ Новгородѣ, гдѣ еще Ярославъ Мудрый основалъ училище [2])

II.

Мы можемъ болѣе точно говорить о границахъ между Тверскою и Новгородскою областями лишь позднѣйшаго времени, насколько эти границы выясняются изъ позднѣйшихъ, дошедшихъ до насъ договоровъ между Новгородомъ и Тверскими и Московскими князьями. Ранѣе объ этихъ границахъ встрѣчаются лишь краткія указанія. На осно-

---

[1]) Свѣдѣнія о времени распространенія христіанства въ мѣстностяхъ, входящихъ нынѣ въ предѣлы Тверской епархіи. Тверь. 1895 г. Стр. 2 и 3.

[2]) О Тверскихъ іерархахъ, прот. Г. П. Первухина. Тверь. 1901. Стр. 6, 7, 8 и 9.

ваніи лѣтописнаго извѣстія подъ 1096 г. можно полагать, что все теченіе р. Медвѣдицы принадлежало Новгородцамъ [1]), Эта рѣка отдѣляла въ XI в. границы Новгородскихъ земель отъ Ростовской области (впослѣдствіи Суздальской): Твери тогда и не было. Медвѣдицею же Новгородцы выходили на р. Волгу, и Юрій Долгорукій, чтобы задержать движеніе ихъ внизъ по р. Волгѣ, построилъ на устьѣ р. Нерли въ 1134 г. городъ Кснятинъ, нынѣ с. Скнятино (Калязинскаго уѣзда). Самостоятельное княжество Тверской край образовалъ собою лишь въ XIII в. Ярославъ Всеволодовичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, отдавши своему сыну Ярославу Ярославичу Тверь. Но и тогда, въ 1148 г., другія земли отъ устья р. Тверцы до устья р. Медвѣдицы были всѣ въ Новгородскомъ владѣніи [2]). Съ этимъ извѣстіемъ о Твери въ 1148 г. слѣдуетъ, однако, обращаться осторожно, потому что, по другимъ даннымъ, Тверь основана была позднѣе,—въ 1181 г., или въ 1182 г.—для защиты отъ Новгородскихъ нападеній. Здѣсь могло быть ранѣе только небольшое укрѣпленіе Новгородцевъ, носившее названіе Твери. Выборъ мѣста для Твери княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ сдѣланъ былъ весьма удачно: Суздальскіе князья могли отсюда удобно во всякое время угрожать и Новгороду, и Торжку, могли перехватывать Новгородскихъ купцовъ съ ихъ товарами,—путь изъ Новгорода шелъ прямо на Тверь; могли не допускать, напр., хлѣба въ Новгородъ съ Волги и держать Новгородцевъ черезъ то въ своихъ рукахъ. Тверь была вначалѣ, такимъ образомъ, пограничнымъ городомъ между Новгородскими и Суздальскими землями. Вообще же годъ основанія Твери не вполнѣ извѣстенъ. О Твери, напр., говоритъ Е. А. Бѣловъ, въ первый разъ упоминается лишь въ 1209 г. по поводу заключенія въ этомъ городѣ мира между Всеволодомъ Юрьевичемъ и Новгородомъ [3]). Между тѣмъ названіе Тверской гость встрѣчается впервые уже

---

[1]) Исторія Тверского княжества Борзаковскаго, стр. 14 и 15.

[2]) Исторія Тверского княжества Борзаковскаго, стр. 15.

[3]) Русская исторія до реформы Петра В. Е. А. Бѣлова. С.-П.Б. 1895 г. стр. 103.

въ 1134 г. [1]), слѣдовательно, можетъ быть, Тверь и въ то время существовала, но принадлежала еще Новгороду [2]). Во время похода Мстислава Удалого противъ Суздальцевъ на защиту Новгорода, въ 1216 г., этотъ князь шелъ Селигерскимъ путемъ, избѣгая укрѣпленной Твери,—говоритъ г. Борзаковскій. Скорѣе,—думаемъ мы,—потому, что на югъ, какъ и на сѣверъ отъ Твери, встрѣчались и встрѣчаются до сихъ поръ еще болота [3]).

Впервые Тверскимъ краемъ, въ началѣ его существованія, называлось пространство отъ Зубцова по теченію р. Волги до Твери [4]). Ржева во времена Мстислава Удалого принадлежала еще Смоленску. Ржева (или нынѣшній Ржевъ) стала послѣ предметомъ спора между Тверью, Литвою и Москвой. Тверскимъ князьямъ Ржевъ былъ всего нужнѣе, но на бѣду они-то и были самые слабые изъ соперниковъ. Ржевъ достался не имъ, а Москвѣ. Границы Тверского края въ XIII в., по отсутствію ясныхъ данныхъ, невозможно опредѣлить. Онѣ точнѣе выясняются позднѣе, въ XV в. Замѣчательно, что границы были, кажется, почти всегда одни и тѣже, исключая Ржеву, которая бывала и въ смѣстномъ владѣніи [5]). Матеріаломъ для опредѣленія тверскихъ границъ служатъ большею частью духовныя грамоты вел. князей Московскихъ; духовныхъ же грамотъ Тверскихъ князей мы не имѣемъ; несомнѣнно, однако, онѣ были, ибо о нихъ упоминаютъ лѣтописи. Кашинъ въ Тверскомъ княжествѣ съ половины XIV

---

[1]) Исторія Тверского княжества Борзаковскаго, стр. 18.

[2]) Ibid. 19. Есть даже такое извѣстіе, что во время перенесенія Владимірской иконы Богоматери Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышгорода во Владиміръ (въ 1157 г.) была исцѣлена жена боярина изъ Твери. Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи, составленное В. И. Покровскимъ, въ Памятной книжкѣ и Адресъ-календарѣ Тверской губ. 1895 г., стр. 19.

[3]) Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Твери, на пространствѣ 35 верстъ въ длину и верстъ 20 въ ширину, къ югу отъ Твери, въ длину 35—40 верстъ и въ ширину на 10, и теперь идутъ болота. Они-то и защищали Тверь отъ нападеній. Потому, и Димитрій Донской осаждалъ Тверь изъ за Тьмаки; онъ обошелъ городъ тоже по причинѣ болотъ.

[4]) Исторія Тверского княжества Борзаковскаго, 20.

[5]) Ibid. 21.

образовалъ тоже особый удѣлъ. Границей между собственно Тверскими волостями и Кашиномъ была р. Медвѣдица; она и донынѣ служитъ границею между уѣздами Кашинскимъ и Тверскимъ. Списокъ городовъ и мѣстъ, принадлежавшихъ Тверскому княжеству, всего лучше покажетъ намъ, что разумѣлось подъ Тверскимъ княжествомъ во время независимаго его существованія. Оказывается, что княжество было очень мало, такъ что непонятно даже, какъ могло оно соперничать съ Москвой. Только потому, можетъ быть, что оно было въ то время богаче Москвы и князья его были старшіе въ родѣ Александра Невскаго, тогда какъ московскіе князья—младшая отрасль его. Вотъ города Тверского княжества: Тверь, Кашинъ, Микулинъ, Телятьево, Дорогобужъ, Чернятино, Холмскій удѣлъ, Новый городокъ (Старица), Калязинъ, Кснятинъ, Зубцовъ, Клинъ, Радиловъ, Опока, Буйгородъ, Колпь и др.

Юго-западная граница Тверского княжества намъ извѣстна болѣе другихъ. Она шла съ Можайска на Ржеву, со Ржевы до озера Селигера [1]), касаясь съ юга Смоленской области и съ запада Новгородской. Послѣ присоединенія Смоленска къ Литвѣ южная граница можетъ называться и Литовской. Ржева—не только городъ, но и вся Ржевская волость—была въ смѣстномъ владѣніи Тверскихъ и Московскихъ князей [2]). Когда Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ, онъ сталъ считать Ржевскую волость своею, какъ часть бывшаго Торопецко-Смоленскаго уѣзда. Граница Ржевы, по описи московскихъ писцовъ 1491 г., со стороны Литвы опредѣлялась такъ [3]): граница начиналась отъ оз. Орлинца, потомъ шла по озеру Плотинце, по Красный Борокъ, на Баранью рѣчку: все это мѣстности, говоритъ г. Борзаковскій, намъ неизвѣстныя.

---

[1]) Борзаковскій. Исторія Тверского княжества, стр. 41.

[2]) Карамзинъ. V, прим. 139. Около Ржева у Твери находилось мѣстечко Опока, въ 1403 г. Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ основанъ городъ на Опокахъ.

[3]) Борзаковскій, 47.

Затѣмъ далѣе граница шла по мѣстамъ уже извѣстнымъ: на верхъ какой-то р. Бѣлейки (впадающей въ Сижку), съ Бѣлейки на верхъ р. Сижки, затѣмъ на верхъ р. Осуги.

Границы Ржевской земли со стороны Новгородскихъ владѣній шли по межевой грамотѣ, писанной въ 1483 г. Онѣ опредѣляются по этой грамотѣ слѣдующими названіями мѣстъ: Березовецъ, Стержъ, Велила, Лопастицы—въ Новгородскихъ областяхъ—и Кличенской и Вселугской волостями во Ржевской землѣ. Отъ озера Селигера граница шла по озеру Стержъ, поворачивала вверхъ по р. Рунѣ, шла по озеру Истошню, спускаясь къ р. Кути и оканчиваясь у какого-то Тихаго озера, черезъ которое, кажется, протекала р. Куть.

Такъ какъ межевыя границы отъ верховьевъ р. Кути до верховьевъ какой-то р. Бѣлейки не опредѣлены не только въ грамотѣ 1483 г., но и въ позднѣйшей—въ грамотѣ 1491 г., напр., то г. Борзаковскій опредѣляетъ ихъ приблизительно [1]).

Къ сообщеннымъ выше фактамъ можно теперь прибавить многое. Болѣе правильно къ границамъ между бывшимъ Ржевскимъ уѣздомъ и Литовскимъ княжествомъ отнесся Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ и еще болѣе прот. В. П. Успенскій. Послѣдній отыскалъ договоръ 1449 г. между Московскимъ княземъ Василіемъ Темнымъ и великимъ княземъ Литовскимъ Казиміромъ, помѣщенный въ Актахъ Западной Россіи, I, № 50, и привелъ изъ него такого рода выдержки. Граница, по этому договору, шла съ озера Орлинце,—говоритъ онъ,—на озеро Плотинце, по Красный Борокъ, по Баранью рѣчку наверхъ Бѣлейки на Поникль, съ Поникля на верхъ Сижки, съ Березы на Мохъ, со Мху наверхъ Осуги. Но прот. В. П. Успенскій не считаетъ болѣе, какъ г. Борзаковскій, Орлинце, Плотинце, Красный Борокъ, Баранью рѣчку, неизвѣстными мѣстами; напротивъ, онъ опредѣляетъ ихъ мѣстоположеніе точно и наноситъ даже на карту, приложенную къ его изслѣдованію. Онъ доказываетъ еще, на основаніи писцовыхъ книгъ, что р. Бѣлейка никогда не существовала, а была и есть здѣсь р. Болонка, впадающая въ

[1]) Борзаковскій. Исторія Тверского княжества. 48.

р. Молодой Тудъ, а названіе р. Бѣлейки въ договорѣ невѣрно передано [1]). Принимая во вниманіе близкое знакомство прот. В. П. Успенскаго съ тою мѣстностью, о которой здѣсь идетъ рѣчь,—онъ самъ прожилъ въ этомъ краю не одинъ десятокъ лѣтъ,—мы не задумаемся принять его заключеніе,—въ этомъ случаѣ онъ можетъ быть вполнѣ для насъ авторитетнымъ лицомъ.

Продолжаемъ далѣе.

Старая западная граница между Новгородскою и Суздальской землею, и, стало быть, и съ Тверскимъ краемъ, при Ярославѣ Ярославичѣ и Ярославѣ Всеволодовичѣ, остается намъ почти неизвѣстной. Мы знаемъ одно: для опредѣленія Тверскихъ границъ со стороны Новгородскихъ владѣній слѣдуетъ взять линію между селами Кунганово и Мѣдное; здѣсь граница Новгородскихъ владѣній проходила недалеко отъ Твери. Ни до Кунганова, ни за Мѣднымъ она намъ въ подробностяхъ неизвѣстна.—Со стороны Новгородско-Бѣжецкой границы въ грамотѣ 1561 г. поименованы слѣдующія мѣста: с. Пузырево, Кіасова гора, но, по извѣстію лѣтописей, можно предположить, что и здѣсь были смѣстныя владѣнія у Твери съ Новгородомъ [2]), какъ были послѣ такія же здѣсь и у Москвы съ Новгородомъ. На это указываетъ и слѣдующій фактъ. Когда при Михаилѣ Александровичѣ копали ровъ около Тверского кремля отъ Волги до Тьмаки, то въ работахъ участвовали Новоторжскія губы, а губами назывались тогда въ Новгородѣ и во Псковѣ округа, находившеяся на оконечностяхъ ихъ владѣній. Г. Борзаковскій, приводя этотъ фактъ, такъ объясняетъ его: Новоторжскія губы участвовали въ построеніи Тверскихъ укрѣпленій потому, что губы были въ смѣстномъ владѣніи у Твери съ Новгородомъ; въ государственномъ отношеніи эти земли, т. е. губы, принадлежали Новгороду, а дань и разныя повинности дѣлились между Тверью и Новгородомъ. Также и городъ Торжокъ, по извѣстію Герберштейна, былъ въ смѣстномъ владѣніи: одна половина его была подъ властью Новгорода, а другая

[1]) Литовскіе пограничные городки. 1892. Стр. 31 и 32.

[2]) Борзаковскій. Исторія Тверского княжества. 52.

подъ властью Твери, и управляли потому тамъ два намѣстника.

Кашинская граница шла отъ впаденія р. Вотри въ р. Дубну и отъ деревни Вотрино къ р. Нушпалѣ и къ рѣкѣ Жабнѣ. Къ Кашинскому удѣлу принадлежали и нѣкоторыя земли по правую сторону р. Волги, т. е. въ нынѣшнемъ Калязинскомъ уѣздѣ, но всегда ли было такъ—не знаемъ. Знаемъ одно, что Кашинъ былъ самымъ сильнымъ удѣломъ въ Тверской землѣ [1]).

III.

Знакомясь ближе съ исторіей Новгорода, мы пришли къ заключенію, что торговые пути [2]) въ новгородской политикѣ занимали первое мѣсто, опредѣленіе же границъ съ Тверскимъ княжествомъ далеко не считалось особенно важнымъ. А Тверь смотрѣла на это съ другой точки зрѣнія: для нея важны были именно границы. И естественно: Новгородъ занимался не столько земледѣліемъ и скотоводствомъ, сколько торговлею, для него потому не представляло особеннаго лишенія поступиться,—тамъ, гдѣ—нибудь на рубежѣ напр. съ Тверскими владѣніями,—тою или другою полосою земли [3]). Если желаемъ опредѣлить на картахъ

---

[1]) Борзаковскій. Стр. 58.

[2]) Главнѣйшіе торговые пути для Новгорода, кромѣ Тверского, были слѣдующіе: въ Шелонской пятинѣ во Псковъ; въ Водской—черезъ Волховъ и Свирь въ Балтійское море; въ Обонежской на Сѣверную Двину. См. объ этомъ подробности въ „Очеркахъ по исторіи смуты въ Москов. государствѣ XVI—XVII в.в. С. Ѳ. Платонова С.-п.б. 1889. Стр. 61.

[3]) Зачатки экономической жизни Новгорода относятся къ IX—XII в.; въ слѣдующемъ столѣтіи начинается уже торговля его съ Западомъ, а въ XIV—XV в.в. натуральное хозяйство Новгорода переходитъ въ денежное. Земледѣліе, звѣроловство и рыболовство входили въ составъ каждаго: натуральнаго и денежнаго хозяйства, но важно то, что такъ рано, съ XIII столѣтія, начинается развитіе новгородской промышленности и появляется впервые денежное хозяйство. („Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1895. XII. Лаппо-Данилевскій. Критическій разборъ Исторіи экономическаго быта

границы Новгородской области съ Тверскою болѣе точно, для насъ, какъ было и для Тверскихъ князей, вопросъ о томъ, кому принадлежало напр. въ старину озеро Селигеръ— Твери или Новгороду,—будетъ очень важнымъ.—Но что же мы найдемъ? Есть ли точныя границы?—Никакихъ.—На нѣкоторыхъ историческихъ картахъ мы увидимъ половину озера въ новгородскихъ владѣніяхъ,—посрединѣ его проведена на нихъ пограничная, разумѣется, гадательная, прямая черта между Новгородскими и Тверскими владѣніями, на другихъ—весь Селигеръ принадлежитъ Новгороду. Историческія карты передаютъ только то, что было въ дѣйствительности. Для Новгорода, по многимъ причинамъ, такое или иное разграниченіе представлялось почти безразличнымъ. И потому еще, въ данномъ случаѣ, что эта часть ближайшихъ къ Твери Новгородскихъ земель принадлежала собственно не Новгороду, а Торжковской области, а это много значитъ, потому что отношеніе послѣдней къ Новгороду было своеобразное. Политическое устройство Новгорода было тѣсно связано съ топографіей города. Новгородъ раздѣлялся на пять концовъ и составлялъ центръ обширной территоріи, тянувшей къ этимъ концамъ: область Новгорода дѣлилась на пятины и волости или земли. Пятины, въ свою очередь, дѣлились на „половины“, представлявшія собою самостоятельные „губные“ округа. Особенностями пятинъ было то, что всѣ онѣ, за исключеніемъ Бѣжецкой, захватывавшей сѣверную часть нынѣшней Тверской губерніи, начинались

Великаго Новгорода, Никитскаго, стр. 351 и 352). Новгородъ зависѣлъ въ своемъ продовольствіи отъ средней и восточной Россіи. Въ него везли изъ-за границы много мануфактурныхъ товаровъ, но не везли хлѣба, потому что у самихъ нѣмцевъ его мало родилось. Исключеній было мало: такъ въ 1230 г. иноземцы спасли Новгородъ отъ голода (Андреевскій, О договорѣ Новгорода, с. 8). Хлѣбъ въ Новгородъ шелъ прежде съ юга, но когда Литва распространила свое вліяніе на Бѣлоруссію и частью на Смоленскій край,—подвозъ хлѣба въ Новгородъ начался изъ восточныхъ русскихъ княжествъ. Сдѣлавшись житницею Новгорода, восточная Русь этимъ пріобрѣла на него вліяніе. Она могла остановкою подвоза произвести въ немъ голодъ. Князь Ярославъ Всеволодовичъ и сдѣлалъ это первый. Отсюда ясно, какъ важны были для Новгорода дороги на югъ около начала рѣкъ Волги и Днѣпра.

близъ самаго Новгорода и, на подобіе расширяющихся радіусовъ, бѣжали отъ него въ различныя стороны. Въ составъ пятинъ первоначально входили древнѣйшія и ближайшія къ городу Новгородскія владѣнія. Позднѣйшія же владѣнія, напр., Торжокъ или Волокъ Ламскій не принадлежали ни къ какой пятинѣ, потому и политическая связь ихъ, какъ Новгородскихъ волостей, съ городомъ была уже не та, что пятинъ, а другая, болѣе слабая. Торжокъ, напр., былъ даже смѣстнымъ владѣніемъ Новгорода и Твери, и даже это обстоятельство весьма мало обезпокоивало Новгородъ. Въ Торжкѣ на одной половинѣ былъ Новгородскій намѣстникъ, на другой—Тверской. Если пятины зависили отъ городскихъ концовъ, то волости или земли сами составляли уже особое административное цѣлое. Вообще волостями у Новгородцевъ назывались земли, хотя и подчиненныя Новгороду, но не составлявшія съ нимъ одного цѣлаго, имѣвшія свои мѣстные интересы, и даже не всегда согласные съ интересами новгородскими; волости важны были для Новгорода болѣе по торговымъ связямъ и только. Такою волостью именно и былъ Торжокъ.

Можно, потому, утверждать, что опредѣленіе границъ съ Тверью со стороны Торжковской волости не могло особенно интересовать Новгородъ. Напротивъ, торговля послѣдняго съ Поволжьемъ по пути черезъ Тверь гораздо болѣе интересовала Новгородъ, и особенно потому, что московскіе конкуренты на ней—московскіе купцы—принимали участіе даже въ заграничной новгородской торговлѣ. Борьба общественныхъ классовъ въ Новгородѣ изъ-за торговли, обострявшаяся часто до того, что вела къ внутреннимъ междоусобіямъ, имѣла всегда бо́льшее значеніе для Новгорода, чѣмъ опредѣленіе границъ его территоріи. Торговля, и преимущественно внѣшняя, была жизненнымъ нервомъ Новгорода [1]). Князь

[1]) Промышленность въ Новгородѣ была слабо развита Это зависѣло отъ незначительности населенія, его разсѣянія, плохихъ путей сообщенія, отсутствія свободной конкуренціи и другихъ соціальнаго характера причинъ. Новгородцы умѣли лить колокола, покрывать церкви „свинцомъ“, строить зданія и церкви, писать иконы; Новгородцы были также хорошіе серебряныхъ дѣлъ мастера. Главная торговля Новгородцевъ была съ европейскими купцами, затѣмъ была мѣновая торговля съ Югрою

былъ нуженъ Новгороду для обезпеченія торговыхъ интересовъ; князь долженъ былъ давать, прежде всего, свободный и безопасный путь новгородскимъ купцамъ. Оборона же границъ имъ была уже на второмъ планѣ при опредѣленіи отношеній князя къ Новгороду. За свои услуги городу, какъ его стражъ и наемникъ, князь получалъ отъ него кормъ и назывался (какъ и у псковичей, напр.) княземъ кормленнымъ, „о комъ было имъ стоять и борониться“. Князья, какъ избранники, часто смѣнялись въ Новгородѣ, и главнымъ образомъ изъ-за торговыхъ связей боярскихъ домовъ, а не изъ какихъ-либо мѣстныхъ политическихъ расчетовъ. Мѣстные политическіе круги, которые стояли за разныхъ князей, основою своею имѣли всегда торговые интересы. Династическіе же интересы Тверскихъ князей, напр., имѣвшіе со стороны послѣднихъ вліяніе на опредѣленіе границъ съ Новгородскими владѣніями, шли въ Новгородѣ лишь рядомъ съ экономическою зависимостью его отъ низовой княжеской Руси, откуда получался, напр., хлѣбъ, и всегда уступали въ своемъ значеніи съ новгородской точки зрѣнія интересамъ по преимуществу торговымъ. Въ Новгородѣ строителемъ общества былъ капиталъ, а не что другое; новгородскіе бояре руководили торговыми оборотами, какъ дисконтеры, такъ что и политическое значеніе каждаго класса опредѣлялось здѣсь отношеніемъ къ этому главному двигателю новгородскаго хозяйства—къ капиталу.

Какъ бы строго ни опредѣляли мы границъ Тверской и Новгородской областей, въ сущности точныхъ границъ

и Самоядью, со Смоленской областью и съ Поволжьемъ. На послѣднюю указываютъ намъ клады восточныхъ монетъ, о которыхъ мы говорили выше, не разъ попадавшіеся въ области Волги въ Тверскомъ княжествѣ и въ предѣлахъ земли Новгородской. Въ Торжкѣ жило до 2000 новгородцевъ, вѣроятно, купцовъ. Новгородъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ и съ землями Кіевской и Волынской, съ княжествомъ Черниговскимъ, Суздальскимъ, затѣмъ съ Тверскимъ и Московскимъ. Поставляя сырые продукты на иностранный рынокъ, Новгородцы не имѣли возможности усиленно предаваться ихъ обработкѣ, такъ что внутренняя торговля Новгородцевъ замѣнялась болѣе транзитною („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. 1895. XII. Стр. 370, 372, 373, 384, 387, 388 и др. въ статьѣ, означенной выше, г. Лаппо-Данилевскаго.

никогда здѣсь мы не найдемъ. И понятно, почему? Ихъ и не было. Новгородцы и сами не стѣснялись часто нарушать всякія границы, даже и всякіе порядки, посылая, напр., своихъ молодцовъ „ушкуйниковъ“ большими шайками плавать по Волгѣ и разорять встрѣчные города. И со стороны князей никто не считалъ въ прежнее время Новгородъ своей вотчиной, никто не стремился урегулировать съ нимъ свои отношенія точно, проводить напр., точно, границы между своими и новгородскими владѣніями; всѣ князья, напротивъ, относились къ Новгороду, какъ къ чужому, и притомъ богатому, городу, на счетъ котораго можно было и поживиться.

Слѣдовательно, задача о границахъ между Тверью и Новгородомъ отодвигается самой исторіей на второй планъ, если мы сливаемъ ее съ путями сообщенія; послѣдніе одни занимаютъ въ ней первое мѣсто. Просмотримъ еще разъ, какъ опредѣлялись границы между Тверскою и Новгородскою областью на имѣющихся у насъ историческихъ картахъ.

На первыхъ въ хронологическомъ порядкѣ историческихъ картахъ сѣверо-восточная граница Смоленскаго княжества опредѣляется верхнимъ теченіемъ р. Волги отъ озера Селигера до Ржевы, причемъ Ржева принадлежала еще Смоленску. Оковскій лѣсъ цѣликомъ лежитъ въ Смоленскомъ княжествѣ. За верхней Волгой на югъ идутъ Новгородскія владѣнія. Это будетъ XII вѣкъ. Въ Смоленскомъ княжествѣ сидѣло тогда потомство Владимира Мономаха, а Торопцомъ владѣлъ герой Липецкой битвы Мстиславъ Удалой. Потомъ, когда основалось Тверское княжество (въ концѣ XII в. и въ началѣ XIII), когда Смоленское княжество перешло въ руки Литвы, граница Твери съ Новгородомъ на слѣдующихъ историческихъ картахъ опредѣляется уже такъ: озеро Селигеръ принадлежитъ все Новгородцамъ, Торжокъ тоже, и отъ Торжка граница идетъ на Бѣжецкъ, который находился уже тогда въ рукахъ Московскаго князя.—Наконецъ, на позднѣйшей картѣ, въ концѣ XIV в., сѣверная граница Тверского княжества проведена по прямой линіи отъ Бѣжецка къ Угличу: Углече Поле, или Угличъ былъ осно-

ванъ Владиміро-Суздальскими князьями и съ XIV ст. принадлежалъ Московскому княжеству.

Такъ именно границы Тверского княжества очерчены на нашихъ историческихъ картахъ. Кажется, довольно точно. На самомъ же дѣлѣ онѣ были не таковы. Мы знаемъ, напр., что отъ Кунганова до Мѣднаго граница между Тверскимъ и Новгородскимъ княжествами въ дѣйствительности была, но какъ шла она отъ Мѣднаго до Бѣжецка? Она точно нарисована только на картахъ,—въ дѣйствительности ея не было. По этой прямой линіи встрѣчаются, мы знаемъ, Петровскія болота, которыя лишь теперь начали осушать; кто же въ то далекое время могъ по болотамъ опредѣлить здѣсь точно границу? Это можно было сдѣлать лишь на картѣ. Притомъ во многихъ мѣстахъ между Тверскимъ и Новгородскимъ княжествами границы были еще смѣстными—это не подлежитъ сомнѣнію. Новгородцы допускали не только такія границы, но и смѣстное управленіе городами: въ Торжкѣ, напр., мы это уже видѣли; да и во всемъ другомъ, не въ однѣхъ границахъ, допускалось тоже смѣстное начало: въ судѣ, напр., съ нѣмцами—въ самомъ Новгородѣ при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ была устроена особая судебная палата, и судъ былъ смѣшанный,—съ Новгородской стороны судьями былъ тысяцкій и новгородскіе судьи, а съ нѣмецкой—ольдерманъ. Другимъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія, что Новгородъ не обращалъ особаго вниманія на точное опредѣленіе границъ, преслѣдуя даже въ договорахъ съ Тверскими князьями болѣе торговыя цѣли, служитъ то, что въ самыхъ грамотахъ писалось о границахъ большею частью глухо, въ такомъ родѣ, напр.: рубежъ между Новгородомъ и Тверью пусть соблюдается тотъ же самый, который былъ раньше, при дѣдахъ и отцахъ. А между тѣмъ, села и слободы, данныя Новгородомъ прежнимъ князьямъ, давались чаще лишь въ пожизненное владѣніе. Въ мирномъ договорѣ Тверского князя Михаила Александровича съ Новгородомъ, послѣ страшнаго сожженія и опустошенія Михаиломъ Торжка, Михаилъ обязывается жить съ Новгородомъ и Торжкомъ по старинѣ, а рубежъ держать старый же, который былъ при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ. А кто и когда опре-

дѣлилъ этотъ рубежъ въ XIV в.? Самыя покушенія отнять что-нибудь крупное изъ владѣній Новгорода дѣлались не Тверскими, а Московскими князьями, и стали практиковаться не ранѣе, какъ по смерти великаго князя Дмитрія Ивановича. Сперва споры между Москвой и Новгородомъ шли за права и вольности Новгорода, а потомъ, въ эпоху разложенія новгородскаго общества, такіе споры отходятъ на второй планъ и Москвою предъявляются притязанія на тѣ или другія Новгородскія владѣнія, обнаруживается стремленіе завладѣть тѣмъ или другимъ Новгородскимъ краемъ, отнять его у Новгорода [1]) Но разборъ такого рода новыхъ отношеній не входитъ въ содержаніе нашей задачи.

Пользуясь неурядицей въ Новгородѣ, и Тверскіе князья высылали рати воевать земли и села Новгородскія, Бѣжецкій верхъ, Заборовье и Новоторжскія волости [2]), но Новгородцы смотрѣли и на такія позднѣйшія выходки со стороны Твери какъ бы сквозь пальцы, занятые другими своими интересами: уже близки были времена Яжелбицкаго договора (1456).

Съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ Новгорода, не точное опредѣленіе границъ, а устройство путей сообщенія, направленіе ихъ, расширеніе предѣловъ рынка, увеличеніе количества покупателей всего болѣе занимали Новгородцевъ.—Но что же создали Новгородцы, по крайней мѣрѣ, въ достиженіи этой цѣли? Устроили ли они хорошія дороги?— И этого не сдѣлали. Мы перечислили выше всѣ извѣстныя намъ дороги Новгорода къ Твери и къ Волгѣ. Какія же удобства доставляли эти дороги? Можно сказать съ увѣренностію, что дороги, на всемъ протяженіи Новгородской исторіи оставались очень плохими. Позднѣйшіе путешественники XVI и XVII ст. свидѣтельствуютъ намъ о томъ. На пути изъ Твери въ Новгородъ устроены были ямы—ямы существовали уже съ половины XIV столѣтія. Но частныя лица ими не пользовались. Что такое ямы? Это были слободы на границахъ селеній и городовъ, имѣвшія 30 и болѣе дворовъ, разстояніемъ одна отъ дру-

---

[1]) Исторія Новгорода Великаго, И. Бѣляева. М. 1864. Стр. 472.

[2]) Ibid. 520 и 522 стр.

гой 30 и до 100 верстъ, населенныя ямщиками. Можно предположить, что дороги въ топкихъ мѣстахъ укрѣплялись фашинникомъ и бревенчатой настилкой, безпрестанно портившейся и чинившейся, которая служила въ самомъ Новгородѣ и въ Твери и мостовой;—настоящая каменная мостовая въ городахъ появляется у насъ только со времени Петра В. Во избѣжаніе затрудненій по перевозкѣ товаровъ по такой дорогѣ прибѣгали лѣтомъ, гдѣ можно было, къ рѣчнымъ путямъ, а зимою вездѣ—и по болотамъ—ѣхать было удобно. Провезти товаръ по лѣтней дорогѣ стоило потому, по крайней мѣрѣ въ четверо дороже зимняго провоза, слѣдовательно, сухопутная перевозка товаровъ могла быть лишь незначительной. Обмѣнъ товаровъ совершался между крайними пунктами дороги не болѣе одного раза въ годъ. Новгородцы оставались всегда посредниками—монополистами между скупщиками товаровъ на Волгѣ и на другихъ рѣкахъ и ганзейской конторой, бывшей въ Новгородѣ. Объ удобствѣ же путей сообщенія они нисколько не думали: столбовые тракты, шоссе и другія удобныя дороги заведены не ими и уже въ позднѣйшее время.

Николай Овсянниковъ.

2-10
ЛЬНКАМРА
Мас. № 53
№ 1
05 7 ПИ5/68